

Улыбнись

Ласковый луч солнца разбудил Пинки, осветив единственную не укрытую часть её лица – лоб. Раздражённо бормоча, она сдвинулась в сторону и потянула за собой одеяло. Ещё несколько секунд она размышляла: "а не заснуть ли мне снова?" – как вчера... и позавчера. Испустив долгий вздох, она всё же разлепила налитые свинцом веки и уставилась на стену, освещённую ярким солнцем. Новый день призывал её и требовал встать с кровати, хотя этого ей хотелось меньше всего.

Несколько часов назад розовая кобылка заснула в позе эмбриона, и теперь даже простое потягивание причиняло боль. Однако, по мере того как разминались суставы и кровь восстанавливала циркуляцию в затёкших мышцах, ей становилось лучше, по крайней мере, физически. В конце концов, она с неохотой покинула уютную постель, встала на пол всеми четырьмя ногами и испустила протяжный зевок. Чтобы размять шею, Пинки поводила головой из стороны в сторону, после чего сдула волосы набок и мёртвым взглядом посмотрела через плечо в солнечное небо. Наконец, с выражением апатии на лице она покинула тяжкий смрад своей спальни.

С кухни внизу доносился приглушённый шёпот. Говорившие явно не хотели беспокоить розовую кобылку, но они настолько возбуждённо обменивались репликами, что их в любом случае было слышно наверху. Пинки не могла разобрать слов, но, уловив в голосах нотки тревоги и даже паники, поняла, что говорили о ней.

– С добрым утром! – окликнули старшую розовую сестру две серые кобылки, как только та появилась на кухне.

Они помахали копытами и попытались изобразить счастливые выражения на лицах. У Блинкамины это вышло лучше – она улыбалась почти искренне с оптимизмом. Инкамина была настроена более реалистично и жестикულიровала сдержанней, хотя тоже надеялась на лучшее.

Пинки снова их разочаровала. Как хорошая сестра она, конечно, улыбнулась и помахала в ответ, но с тяжёлым камнем на сердце она только и смогла выдавить из себя:

– С утром.

– С добрым утром, дорогая, – сказала Сью Пай.

Она смотрела на дочь добрым и заботливым взглядом, но это нисколько не повлияло на розовую кобылку, которая понуро проковыляла к предназначенному ей месту за столом.

Все были в чёрном. Блинкамина и Инкамина надели простые чёрные галстуки, что сделало их похожими на членов какой-то религиозной организации. Отец стоял рядом и грустно улыбался, кроме такого же галстука он надел свою старую чёрную шляпу. Наряд Сью Пай привлекал больше внимания: её задние ноги до копыт скрывало длинное чёрное платье, голову она покрыла шляпкой с чёрной вуалью, которая, впрочем, пока была убрана.

– Сегодня? – тихо спросила Пинки, с печалью в голосе уточняя то, что она знала и так.

Она повисла на спинке стула, почти соскальзывая с него под стол. На столе стояло большое блюдо с блинчиками, и они, должно быть, очень вкусные, особенно если полить их сиропом. Но кусок совершенно не лез в горло.

Клайд и Сью обеспокоенно переглянулись, две младшие кобылки молча смотрели на старших. Тишину нарушали только тихие всхлипы Инкамины.

– Уверена, что хочешь пойти? – наконец, с опаской спросил отец.

Неожиданно для самой себя Пинки глубоко задумалась. В памяти всплывали воспоминания о радостях и боли и причудливо смешивались, вселяя чувство полной неопределённости. Оказалось очень трудно подобрать слова, правильно выражающие то, что она хочет сказать. Наконец, ей удалось выдавить из себя:

– Да. Я думаю, да.

– Церемония начнётся через двадцать минут, – продолжил отец. Он ни на миг не отводил взгляд от дочери, так же как все остальные. – Хочешь одеться?

– Я бы хотела побыстрее покончить с этим, – ответила она.

Она буквально вытолкнула себя из-за стола, заставив стул заскрежетать по полу со звуком, похожим на вопль смертельно раненого зверя. Тарелка Пинки так и осталась стоять пустой на столе. Сью Пай печально посмотрела на дочь, но это не могло вернуть ей аппетит. Такими же бесплодными оставались все попытки родных развеселить её. Не радовало даже чистое голубое небо, которое, несмотря на ущерб будущему урожаю, специально расчистили, чтобы хоть немного развеять её тоску. Солнечного света всего мира было мало, чтобы пробиться в то место, где блуждала её душа.

Послышалось, как все остальные поднялись из-за стола, как только она вышла с кухни. Жалость к ней, что переживали родные пони, сделала её на какое-то время самой главной в семье – получалось, что жизнь на ферме крутилась вокруг розовой кобылки, а родители и сёстры непроизвольно подчинялись её безрадостным скупым словам и даже жестам. Впрочем, Пинки это совсем не радовало. Она не слышала ободряющих слов и не замечала адресованных ей самых тёплых улыбок, казалось ничто не способно достучаться до неё эти последние несколько дней.

Часовня Селестии оказалась совсем не тихим местом. Хотя все старались разговаривать, понизив голос до минимума, но акустика помещения была такова, что даже самые тихие слова разносились из конца в конец и сливались в единый шум. При этом на церемонию прощания собралось так много народу, что этот шум по громкости мог соперничать с шумом вечеринки. Пинки с семьёй размеренно прошли по проходу между рядами. Пони, которых они миновали, все по своему выражали печаль: кто-то предавался воспоминаниям о лучших днях, проведённых с почившей, кто-то скорбно оплакивал внезапную трагедию, кто-то просто молчал и, погрузившись в раздумья, смотрел на гроб в середине зала.

Им повезло найти свободные места в первом ряду. Но Пинки, в отличие от семьи,

села не сразу, она подошла к громадине гроба из полированного коричневого дерева, который, казалось, сиял на свету. Ещё он утопал в цветах, а к каждому концу кто-то прикрепил по два фиолетовых воздушных шарика, в знак уважения к сути характера усопшей. Крышка гроба была плотно закрыта, но, несмотря на это, Пинки глядела туда, где, она знала, расположено лицо белой пегаски, и изо всех сил пыталась пробить взглядом преграду, разделявшую их.

Копыто опустилось на её плечо. Она обернулась и встретила глазами с матерью, которая печально улыбнулась ей. Сю Пай отвела Пинки к остальным, розовая кобылка не сопротивлялась и, уставившись в пол, поплелась на своё место. Окружающие с сочувствием смотрели на неё.

Как только все пони заняли свои места, и в помещении часовни повисла тишина, весьма почтенного вида кобыла взошла на расположенную вблизи гроба трибуну и начала речь:

– Друзья и родственники, мы собрались здесь сегодня, чтобы почтить память...

Изредка то тут, то там раздавались всхлипы и покашливания, громким эхом они отражались от стен. Пинки уставилась на трибуну и смотрела не мигая. Она пыталась внимательно слушать, но слова траурной речи пролетали мимо её ушей. Впрочем, ничто из сказанного не могло заставить её желания сбыться, так что она позволила своим мыслям бежать куда им заблагорассудится.

Она наклонилась вперёд и оглядела окружающих. В глазах её родителей застыло выражение почтения и грусти, но чтобы плакать, они слишком плохо знали пони, о которой идёт речь. По этой же причине её сёстры скорее скучали, чем грустили. Инкамина раздражённо поёрзывала копытом, но годы труда на каменной ферме научили её терпению, и, в целом, она выглядела довольно спокойной. Блинкамина поймала взгляд Пинки и робко улыбнулась старшей сестре, но Пинки просто отвернулась, даже не подумав улыбнуться в ответ.

Она обернулась, пытаясь разглядеть сидящих позади пони, заметила Фаерфлай и Кап Кейк, которые заняли места с другой стороны часовни и на несколько рядов позади. Суровый взгляд Фаерфлай был прикован к гробу, а на лице отражался целый поток мыслей, который, казалось, обрушился на её сознание в этот момент. Кап Кейк тоже выглядела опечаленной, но, в отличие от Фаерфлай, она заметила розовую кобылку и тепло и сердечно ей улыбнулась. Пинки отвернулась и снова взглянула на трибуну, где уже другой пони взял слово. Она сказала самой себе, что с этого момента будет внимательно слушать речь, но так и не смогла сосредоточиться на словах. Поэтому она просто смотрела перед собой потухшим взглядом до самого конца церемонии.

Церемония завершилась, и по часовне разнёсся звук, издаваемый множеством встающих со своих мест пони. Голоса говоривших вокруг звучали всё так же тихо и почтительно, хотя и с облегчением от того, что всё закончилось. Только Пинки осталась сидеть на своём месте. Она едва обращала внимание на происходящее вокруг, её взгляд всё так же остался прикован к гробу. Она не шелохнулась, даже когда мимо неё

проходили пони и ясно давали знать, что уже пора уходить. Только прикосновение отца вывело её из транса.

– Что ж, – сказал он, спокойно улыбаясь, – всё кончилось. Идём домой.

– Вообще-то... – Пинки отвернулась, ещё раз бросила долгий взгляд на гроб и облизнула губы. Она проглотила комок в горле и, тяжело вздохнув, вновь обернулась к отцу. – Могу я ещё побыть здесь немного?

– Но ты, вроде, хотела, чтобы всё побыстрее закончилось... – неуверенно напомнил он, запнувшись на полуслове. Взгляд Пинки заставил его замереть. – Я не знаю, что ты думаешь, дорогая? – обратился он к Сью, розовая кобылка тоже повернулась к матери, чтобы видеть, как она ответит. Серая кобыла замерла на мгновение, но вскоре одобрительно кивнула. Пинки снова посмотрела на отца. – Что ж, ладно. Хочешь, чтобы кто-нибудь остался с тобой?

Она призадумалась на мгновение и, медленно покачав головой, ответила:

– Нет.

Пони один за другим потянулись к выходу. Но семья Паев задержалась. Они стояли и смотрели на Пинки, ожидая, что она передумает. Инкамина и Блинкамина крепко прижались к матери, и Сью поглаживала их по гривам, не отрывая при этом взгляда от розовой дочери. Но Пинки даже и не оглянулась, и это был намёк. Паи двинулись к выходу по проходу между скамьями, стук их копыт усиливался многократно отражённым от стен эхом. Наконец дверь захлопнулась с громоподобным грохотом, ударившим в барабанные перепонки кобылки так, что её уши дёрнулись. Дрожь пробежала по её телу – от кончиков задних ног по позвоночнику и закончилась вырвавшимся изо рта нервным всхлипом. Только после этого она смогла расслабиться, позволив мордочке под действием силы тяжести свеситься вперёд.

– Пинки, – раздался позади тихий мягкий голос. Она удивилась, что здесь остался ещё кто-то, и напрягла шею, чтобы обернуться. Это была Кап Кейк в чёрном платье поверх лазурной шкурки. Розовые радужки её глаз дрожали от скопившихся слёз. Но она всё же нашла в себе силы улыбнуться одинокой кобылке.

– Я могу присесть?

Пинки несколько секунд смотрела на неё, но как только поняла, что это действительно Кап Кейк, потеряла интерес и снова повернула мордочку к гробу впереди.

– Да, конечно.

Пекарша слегка кивнула и улыбнулась чуть шире в момент, когда уселась рядом. Она проследила за взглядом кобылки, и в её зрачках отразился фиолетовый воздушный шарик. Издав краткий смешок, она с наигранной бодростью в голосе сказала:

– Странно видеть воздушные шарики в таком месте.

Пинки не ответила, даже не пошевелилась. Её веки частично прикрыли глаза так, что только нижняя половина зрачков могла смотреть вперёд.

– С другой стороны... – продолжила Кап Кейк, – думаю, в какой-то степени это правильно. – Она оглянулась на молчаливую кобылку. – Как ты, дорогая?

– Больно, – мгновенно ответила Пинки.

Это первое, что пришло ей на ум, но подумав немного, она решила, что слово "больно" слегка неадекватно. Глубоко вздохнув, она потянулась, облизнула губы и

уточнила:

– Я не знаю. Правда не знаю.

Она поднялась со своего места и подошла к гробу. Солнечный луч прошёл сквозь изображающий Селестию витраж в высоком стрельчатом окне и ударился в заднюю стену часовни, откуда отразился и, изрядно рассеявшись и потускнев, упал на лоб кобылке. Мягко прикоснувшись копытом к твёрдой поверхности полированного дерева, она принялась поглаживать крышку гроба круговыми движениями. За собственными действиями она наблюдала безжизненным взглядом. Через несколько секунд Кап Кейк последовала за розовой кобылкой и остановилась у неё за спиной, оставляя пространство вокруг гроба только для Пинки. Пекарша тихо и молча наблюдала за происходящим, и её брови медленно ползли вверх.

– Я всё ещё жду, что она выскочит оттуда, – тихо проговорила Пинки. – Это невозможно, знаю. Она не сможет сделать это для меня. Но всё же... – она всхлипнула, борясь с желанием разрыдаться, – ...я действительно хочу этого. Я хочу, чтобы она прокричала "Сюрприз!" и скорчила бы смешную рожицу, как всегда делала.

Кап Кейк подошла поближе к Пинки и положила копыто на её розовую спину. Нежно поглаживая по шёрстке, она как могла пыталась утешить печальную кобылку. Но Пинки никак не реагировала. Она была слишком поглощена собственной болью, чтобы замечать проявления доброты и сочувствия от окружающих.

– Это не честно! – продолжила кобылка хриплым голосом. – Она изменила мою жизнь, мою семью и мой дом. Она изменила всё, что меня окружало, всё это стало лучше. Она показала мне ночное небо, воздушные шарики и вечеринки и ещё много всего. Даже моя кютимарка... Я любила её! – со слезами, катящимися по щекам, она посмотрела на Кап Кейк. – Как мне быть дальше без неё?

Кап Кейк ответила не сразу. Она посмотрела кобылке в глаза, изо всех сил стараясь не позволить собственным эмоциям взять верх над собой, и смогла лишь тихо промолвить:

– Мне жаль.

Пинки оглянулась на гроб. Её заплаканные глаза закатились и губы задрожали, когда сознание пронзила мысль:

– Я совсем одна.

– Не говори так! – ответила Кап Кейк, тряся головой. – Ты не одна и никогда не будешь.

– Но я всем обязана ей, – продолжила Пинки с паническими нотками в голосе, – Сюрприз дала мне всё. Если б не она, я так бы и оставалась замкнутой как... как гранат внутри булыжника! Даже моя семья...

Она отступила от гроба на несколько шагов назад на кафельный пол и встретилась взглядом с Кап Кейк. Они долго молча смотрели друг другу в глаза. Тишина часовни оглушала, словно раскаты грома. Наконец, кобылка не выдержала, развернулась и со всех ног побежала по проходу к двери.

Кап Кейк вздёрнула копыто и дрожащим голосом попыталась остановить кобылку:

– Пинки, постой!

Но Пинки и не думала останавливаться. Кап Кейк продолжала её звать, но кобылка

не обращала внимания на окрики. Слёзы лились из глаз, так что она почти ничего не видела впереди себя, пока неслась к огромной входной двери. Из всех сил своих копыт Пинки толкнула тяжёлые створки, которые раскрылись, протяжно скрипнув петлями. Яркий свет снаружи ударил по глазам, так что она вынужденно прикрыла лицо копытами, как только покинула полумрак часовни. Она возвращалась обратно на ферму, обратно в свою постель, обратно в свою непроницаемую оболочку.

Этим утром Пинки снова лежала камнем в своей постели. Ради неё светило солнце и щебетали птицы, но всего этого было недостаточно, чтобы пробудить в ней желание подняться. Бодрствование представлялось ей кошмаром, с которым невозможно справиться. Поэтому с уже привычным раздражением она пробормотала под нос проклятия в адрес солнца, птиц и всего прочего и перевернулась, укрываясь одеялом с головой. Она просто хотела снова заснуть.

Но в это утро что-то случилось с солнечным светом: она заметила странные розовые и фиолетовые пятна на освещённой стене. Это цвета её собственной шкурки и кьютимарки её покойной подруги. Они слегка перемещались взад и вперёд, иногда сталкиваясь друг с другом, подпрыгивали и опускались, словно бы кружили в каком-то медленном танце.

Кто-то нетерпеливо забарабанил в дверь комнаты Пинки. Это не было чем-то странным – время от времени кто-нибудь приходил провести её, но такой яростный перестук удивил кобылку. Следом за звуком ударов раздался бодрый голос Блинкамины:

– Давай, Пинки, вставай! Ты должна увидеть это!

Она не хотела вставать с кровати и ничего не ответила. Она продолжала неподвижно лежать ещё несколько секунд, наблюдая за плавающими по стене взад и вперёд цветными пятнышками. Но в конце концов любопытство взяло верх. Устало зевая и раздражённо постанывая, она откинула одеяло и села в постели. Она сдула волосы в сторону с лица и причмокнула губами, изо всех сил стараясь, чтобы боль в теле не затуманила рассудок. Пятна на стене теперь танцевали вокруг её тени. Наконец, вопрос: что же тут происходит? – озадачил её достаточно сильно, чтобы обернуться и взглянуть на источник странной цветовой аномалии.

Воздушные шарики! За окном висело несчётное количество воздушных шариков двух цветов: розового и фиолетового. Они не были собраны в одну гроздь – каждый крепился своей ниткой отдельно. Кобылка заморгала, она едва могла поверить собственным глазам и даже потёрла их копытами, удостоверившись, что это не обман зрения.

Она не пошла к окну, вместо этого вскочила на ноги и побежала к двери. Что бы там ни происходило, наверняка это имеет отношение к тому, о чём говорила Блинкамина. Так что Пинки решила спуститься на кухню и разузнать обо всём подробнее.

Но на кухне никого не оказалось. Ни тарелок на столе, ни вообще каких-либо приготовлений к завтраку. Все остальные комнаты дома так же оказались пусты, что заставило кобылку в удивлении чесать затылок. Это утро определённо отличалось от предыдущих – новая попытка семьи развеселить её выглядела весьма необычно. Всё

говорило о том, что искать ответы нужно снаружи, куда кобылка и отправилась. Как только она быстрым движением открыла дверь и сделала шаг за порог, она столкнулась с тем, чего никак не ожидала увидеть и услышать в своей жизни.

– Сюрприз! – дружным хором радостно прокричали все члены её семьи.

Шокированная Пинки подпрыгнула от неожиданности и громко выдохнула, широко раскрыв глаза. Отдышавшись, она осмотрела пони, которые стояли в нескольких ярдах от неё и счастливо улыбались. И хотя улыбались они в течение последних дней постоянно, на этот раз это выглядело действительно искренне и неподдельно. Пинки блуждала взглядом, осматривая окружающее пространство. Она увидела ещё больше воздушных шариков навроде тех, что висели за её окном. На большом деревянном столе громоздился внушительных размеров двухслойный торт, а рядом лежала коробка с подарком. Старый граммофон, который она использовала ранее, тоже стоял наготове. Да, декораций было немного, но то, что она видела прямо перед собой, определённо представляло из себя вечеринку.

– Что тут происходит? – смущённо спросила она, ступая по сухому грунту и водя глазами из стороны в сторону.

– Кап Кейк приходила сегодня рано утром и принесла торт, – радостно начала объяснять Сью. – Мы долго беседовали о тебе. Она рассказала мне, что ты говорила в часовне, и мы попытались придумать, что бы мы могли сделать с твоим мрачным расположением духа. И пришли к этому.

– Что? – моргнув, протянула Пинки.

– Это не так хорошо, как получилось у тебя, – продолжила мать. Она повела вытянутой передней ногой, указывая на то, что семья подготовила для розовой кобылки. – Но это всё, что мы смогли сделать с помощью мисс Кейк и мисс Фаерфлай за столь короткое время. Полагаю, чтобы управиться лучше, нужен особый талант.

– Тебе нравится? – взволнованно спросила Блинкамина. Она радостно подпрыгивала на месте, подымая небольшие облачка пыли, которые оседали на стоящую рядом Инкамину. Вторая сестрёнка выглядела чуть менее возбуждённой, но так же тепло улыбалась.

Пинки была озадачена как никогда, она не могла даже и подумать, что её семья способна организовать вечеринку. Она едва могла говорить и не знала, как правильно реагировать на происходящее. Раскрыв рот, кобылка подошла к столу и осмотрела подаренный торт. На глазури виднелась надпись, сделанная красивым оттенком розового, Пинки наклонилась, чтобы получше её рассмотреть. Каллиграфическим почерком было выведено одно единственное слово: "Улыбнись".

Она почувствовала, как чьё-то копыто нежно погладило её по голове. Подняв глаза, она увидела отца, улыбавшегося во все зубы.

– Это всё для тебя, Пинки.

В замешательстве она шарахнулась в сторону от коричневого жеребца, стола с тортом и остальных членов семьи. Но родные, кажется, не придали этому большого значения. Проявляя терпимость и уважение к чувствам Пинки, они сгрудились в тесную группку поодаль от старшей дочери и смотрели на неё с заботой и лаской.

– Но почему? – качая головой, спросила Пинки. – Зачем столько беспокойства ради

меня одной?

– Это же очевидно! – по-матерински нежно ответила Сью. – Мы – твоя семья, Пинки. Мы заботимся и любим тебя и, конечно, хотим тебе счастья. Нам больно видеть, как ты убиваешься.

Эти слова лишили кобылку дара речи. Она так и стояла, раскрыв рот и переводя взгляд с одного родного пони на другого.

– Мы просто хотели, чтобы ты знала, – продолжила Сью со слезами на глазах, – что, даже если действительно Сюрприз дала тебе всё, это не значит, что она это всё забрала, когда покинула нас.

Пока Пинки неподвижно сидела на земле, Инкамина отделилась от остальных и подошла к столу. Она схватила завернутую в бумагу коробку и осторожно подняла её. Только тогда Пинки заметила прорезанные в стенках словно бы для вентиляции отверстия. Это и то, с какой осторожностью Инкамина обращалась с подарком, давали намёк, какого рода вещь может находиться внутри коробки.

– Это для тебя, – всё ещё с упаковочной бумагой во рту пробормотала она.

Пинки пристально взглянула сестре в глаза, наконец заметив сколько в них тревоги, заботы и любви. И как она не замечала всего этого раньше?! Она медленно протянула копыта, позволяя Инкамине передать коробку, после чего серая кобылка вернулась к остальным членам семьи. Они все застыли в ожидании, пока Пинки разглядывала подарок, в этот момент целый рой самых разнообразных мыслей проносился в её розовой голове. Через некоторое время она осторожно сняла обёртку и подняла крышку, чтобы увидеть, что за сюрприз скрыт внутри. Маленький детёныш аллигатора крепко спал на уютной подстилке из сена, положив голову на кончик хвоста. Когда он зевнул, стало видно, что у него совсем нет зубов, а звук, который он при этом издал, показался Пинки самым милейшим когда-либо слышанным ею зевком.

– Это мне? – спросила она сдавленным от слёз голосом. Глаза её при этом были прикованы к зелёной рептилии в коробке.

– Вообще-то, сначала мы хотели подарить тебе котёнка, – сказал отец с улыбкой, почёсывая свою гриву, – Но по некоторой причине нам показалось, что маленький крокодилчик тебе понравится больше.

Пинки осторожно опустила коробку на землю и взяла маленького аллигатора в копыта. Зелёные веки рептилии моргнули, и стал ясно виден цвет его глаз – прекрасный оттенок фиолетового, что так похоже на глаза белой кобылицы. Кобылка держала его на вытянутых копытах и рассматривала с любопытством, он в свою очередь уставился на неё, скорчив глупую мордочку. Волосы на её голове начали меняться, тихое шипение исходило от её хвоста и гривы, которые закручивались, увеличиваясь в объёме. Слёзы выступили на её глазах, от чего стал особо заметен их искрящийся блеск. Когда к ней вновь вернулся кучерявый облик, её дрожащие губы медленно растянулись в улыбке. Наконец, до неё дошла истина. Наконец, она поняла, что не одинока и никогда такой не была. Любящая семья и друзья, заботящиеся о ней, невинное создание в её копытах – вот тот солнечный луч, что пробьёт любые тучи.

Не обращая внимания на текущие по лицу слёзы, она улыбнулась маленькой зелёной рептилии и бережно обняла его. Остальные члены семьи в этот момент увидели

возможность подойти к ней. С каждым их шагом Пинки находила в себе всё больше и больше сил, и когда все Паи собрались вместе для крепкого семейного объятия, она, наконец, смогла произнести:

– Спасибо. Спасибо, спасибо, спасибо вам огромное! Я так вас всех люблю!

Понивилль как всегда сиял яркими красками. Всюду раздавалось щебетание птиц и жужжание работающих пчёл. Молодая кобылица Пинки Пай мчалась вприпрыжку по главной улице к одной примечательной пекарне. Во рту она зажимала ручку небольшого чемодана, который энергично подпрыгивал вверх и вниз. Маленький аллигатор крепко вцепился в кончик её хвоста и, раскачиваясь, наслаждался маленьким путешествием к их новому, но очень знакомому дому.

– Привет всем в сахарном домике! – радостно крикнула она, как только вошла и постучала по колокольчику, чтобы известить о своём прибытии.

– Привет, Пинки Пай! – бодро откликнулся из-за прилавка янтарного цвета жеребец.
– Готова сменить обстановку?

– Ага, мистер Кейк! – ответила она, сияя улыбкой. – А миссис Кейк здесь?

– Минуточку, сейчас позову. – Он поднял копыто и жестом дал знак розовой пони чуть-чуть подождать. Затем развернулся и прорысил на кухню, на ходу окликая свою обожаемую жену: – Сливка моя, она здесь!

Вскоре в дверях показалась светло-лазурная круглолицая кобыла. Она сияла от восторга при виде розовой кобылицы. Пинки тоже не могла не поприветствовать дорогую пони, бесхитростно улыбаясь, она принялась скакать по пекарне. Аллигатор всё так же крепко держался за её хвост беззубыми челюстями и болтался из стороны в сторону.

– Не могу дождаться! – радостно воскликнула она, обнимая обоих пекарей. – Я так счастлива пожить тут несколько недель!

– Ну, мы тоже с нетерпением ждали этого. Правда, дорогой? – весело сказала Кап Кейк, поглядывая на мужа поверх обхватившей их копытами розовой пони.

Он кивнул в ответ и широко улыбнулся.

– Ага, точно.

– Но что-то мы тут разболтались, – заметила лазурная кобыла. Она подтолкнула Пинки в сторону от прилавка и, давая знак следовать за собой, сама пошла в сторону лестницы, ведущей из торгового зала во внутренние помещения Сахарного Уголка. – Пойдём, покажу тебе комнату, где будешь жить.

Пинки кивнула так быстро, что её голова слегка размылась в этот момент. Они оставили Кэррот Кейка управлять с магазином, а сами стремительно поднялись по лестнице в комнату наверху. Пекарша открыла дверь, но Пинки её опередила и первой ворвалась внутрь. С раскрытым от волнения ртом она осмотрелась вокруг, воспоминания из детства захлестнули её с головой. В воздухе витал особый запах чистоты с нотками, которые придаёт благородно состарившаяся древесина. Это был её новый, но в то же время такой знакомый дом.

– Я сохранила здесь всё как было, – сказала Кап Кейк за её спиной. – Ну, может

быть, только самое необходимое поправила по мелочи и убиралась здесь время от времени. Но в основном здесь всё точно так же, как и было, когда она жила здесь.

Пинки обернулась и пристально посмотрела в глаза пекарше. Она широко улыбалась, а глаза дрожали – Кап Кейк была готова вот-вот расплакаться от счастья. Чуть поколебавшись, Пинки широко шагнула вперёд и крепко обняла светло-лазурную кобылу, которая ответила несколькими ласковыми поглаживаниями по розовой спине. Тем временем аллигатор отцепился от хвоста розовой пони и нашёл для себя уютное местечко прямо посреди комнаты, где он примостился и с особым усердием абсолютно ничего не делал.

– Что ж, я пойду, а ты пока устраивайся, дорогая, – сказала Кап Кейк, положив копыто на дверную ручку. – Тебе ещё что-нибудь надо?

– Не-а! – радостно ответила Пинки. Она глянула на лазурную кобылу через плечо и подмигнула со счастливой улыбкой. – Здесь и так всё просто превосходно!

Услышав это, Кап Кейк мило улыбнулась и вышла из комнаты. Пинки немедленно схватила свой чемоданчик и раскрыла его на полу, он буквально взорвался, исторгнув из себя мириады конфетти и кучу всяких вещей, которые по всем законам логики просто в принципе не могли бы уместиться внутри. Но был среди всего этого один особый предмет – фотография в рамке, которую Пинки схватила в воздухе, не позволив упасть. Она мечтательно улыбнулась и крепко прижала её к груди двумя копытами. Для этой фотографии уже имелось специально предназначенное место на тумбочке перед кроватью. Пинки рассчитала так, что это фото должно быть первым, что она увидит, просыпаясь каждое утро.

Белая кобылица на картинке скорчила самую глупую ухмылку, какую только можно представить. Она махала копытом на камеру, зависнув в воздухе вместе с несколькими воздушными шарами позади неё. Пинки присела на мгновение, прищурилась и с широкой улыбкой счастливо посмотрела на фотографию. Затем, удовлетворённо вздохнув, развернулась и поспешила прибрать раскиданные по полу вещи. А тем временем с безопасного места на тумбочке, как вечное напоминание и объект вечной благодарности, за ней наблюдала её Сюрприз.